

культуры и экономики Р. Рупен считает чужеродными, экспортированными извне.

Н. В. Кочешков убедительно показывает, что монгольский народ, некогда отсталый и забитый, осуществив в своей стране культурную революцию, отнюдь не отказался от своих национальных традиций. Он их углубил, развил свою культуру, воспринял от своих соседей и друзей все лучшее и прогрессивное. Монгольским трудящимся на этом пути пришлось преодолеть большие трудности. Это было связано не только с культурной отсталостью, но и с экономическими затруднениями, вытекавшими из существовавших в стране феодальных пережитков и религиозных предрассудков.

Монголия — страна древняя. Н. В. Кочешков в кратком историческом введении рассказывает о прошлом Монголии, ее богатой культуре.

Современное монгольское искусство, справедливо отмечает Н. В. Кочешков, поражает своим необычайным оптимизмом, удивительной свежестью, ярким колоритом и разнообразием причудливого орнамента. Народное искусство монголов родилось в юрте. Веками араты украшают свое жилище росписью, резьбой по дереву и шитьем. Народные подделки покрыты яркими орнаментами. Традиционные формы художественного творчества живут и развиваются, появляются и новые для Монголии виды искусства — национальная скульптура и графика. Монгольское искусство многогранно. Удачный подбор иллюстраций дает возможность читателю убедиться в этом.

Книга Н. В. Кочешкова не исчерпала всех вопросов, связанных с искусством Монголии. Она только познакомила нас с ним. Хотелось бы, чтобы автор занялся этой проблемой в полную силу, тем более, что у нас нет специальных работ, посвященных истории искусства Монголии — этой удивительной древней и одновременно молодой страны, которая в 1971 году отпраздновала 50-летие республики.

Г. ГОРОХОВА

«...И В СЕРДЦЕ ПОСЕЛИЛАСЬ ТИШИНА»

ПЕРЕД нами — новая книга. Основные жанры средневековой корейской поэзии — сичжо, чанга, каса — представлены здесь произведениями прославленных мастеров, таких, как Чхон Чхоль, Ли Хван, Пак Ин Но, и поэтов, чьи имена утрачены навсегда.

Больше всего в сборнике стихотворений XV—XVII веков, — пожалуй, одного из самых сложных периодов истории Кореи, периода социальных и политических потрясений. Поэт полон тревоги за будущее страны. Боль и горечь звучат в его словах, обращенных к безумцу, который рубит молодые сосны:

Настанет время —

подпирайте придется
Давно уже ветшающие своды
Большого

королевского дворца...
Где ж ты тогда
найдешь ему опору?!

(Чхон Чхоль)

Но короли редко прислушиваются к поэтам. И в это смутное, тяжелое время поэзия видит свое назначение в том, чтобы внушать людям неистребимую веру в то, что жизнь прекрасна несмотря ни на что, прекрасна сама по себе. Характерен для поэзии тех лет аллегорический образ журавля, которому на земле выщипали перья: взлетев в небо, он не проклинает людей, не терзает себя бесплодными сожалениями, но радуется вновь обретенной свободе.

Поэты врачевали душу человека, обогащая ее непреходящими ценностями, чтобы крестьянин, весь день полувший рисовое поле, разогнув усталую спину, увидев, как с деревьев «облетает персиковый цвет», услышал, как заливаются птицы, и всем своим существом ощутил, что

И коршун в полете,
и рыба в воде,
И небо над нами —
прекрасны и вечны.

(Ли Хван)

Поэзия подсказывала людям, как обрести счастье в мире «бурь

«Песня над озером». Лирика средневековой Кореи, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971, 214 стр.

кровок и тревог». Это счастье корейские поэты средневековья видели в слиянии с природой. Природа гармонична, и, отождествив себя с нею, соизмерив свою жизнь с жизнью природы, человек обретает столь необходимое ему чувство равновесия.

Ощущая красоту, разумность, самоценность природы, человек учится ценить и собственную, не всегда счастливую, но неповторимую жизнь, учится наслаждаться тем, что имеет, находить радости в обыденном.

Для героя так называемой пейзажной лирики природа — всегда повод поразмыслить о превратностях судьбы, всегда — возможность понять, что жизнь со всеми ее бедствиями все-таки по своему хороша.

Корейская лирическая поэзия — не призыв, но размышление, мудрое восприятие действительности. Умение обратиться к природе, потребность доверить ей свои страдания и надежды и в общении с «птицами простодушными и бескорыстными цветами» ощутить свою неустойчивость с ними, ощутить гармонию жизни — маленькой и большой, простой и ясной, — в этом заключается высшая мудрость и своеобразие корейской средневековой поэзии.

Здесь нет места отчаянию, личное горе не опустошает человека, потому что в сердце его — весь мир, широкий и чистый. И какая бы катастрофа ни произошла, жизнь не может потерять смысл: всегда стоит жить дальше — чтобы увидеть цаплю на берегу синей речки, построить камышовый домик, собрать урожай с поля. Жизнь так бесконечно богата, что даже крестьянин, который варит на костре похлебку из трех горстей зерна, не чувствует себя бедным человеком.

Кто богаче меня, скажите,
Если вся природа — моя!

(Ким Гван Ук)

Скромные строки, написанные столетия назад, учат нас радоваться всему окружающему и, «радуясь, радости не скрывать».

Вершины классической корейской поэзии — это такие вершины человеческого духа, с которых мир видится гармоничным.

О. БАЙ